

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-199-212>

УДК 82.091

ББК 83(4Чех)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. А. В. Амелина

г. Москва, Россия

**РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЧЕШСКОЙ СРЕДЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ.:
ПЕРИОДИКА ЛЕВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРЫЛА
(ГАЗЕТА «РУДЕ ПРАВО»)**

Аннотация: В статье исследуется восприятие русской литературы в первой половине 1920-х гг. чешской литературной критикой левой политической ориентации, а именно газетой компартии Чехословакии «Руде право». С одной стороны, в это время переосмысливается русская классика с точки зрения ее полезности для целей рабочего движения вплоть до дискредитации отдельных авторов (например, Ф. М. Достоевского), а идеи других писателей подгоняются под коммунистическую идеологию (Л. Н. Толстой). С другой стороны, большое внимание редакции привлекает современная литература пореволюционной России, писатели оцениваются и отбираются для переводов и рецензирования при условии принятия ими и воспевания революции (в первую очередь это поэма «Двенадцать» А. А. Блока, поэзия В. В. Маяковского, проза М. Горького и В. Г. Короленко), а их творчество оценивается односторонне, исключительно в идеологическом аспекте. Делаются первые попытки написания обобщающих материалов по современному литературному процессу (например, «Сельская революционная поэзия» И. Вайля). В целом русская литература рассматривается сквозь идеологическую призму, но с разной степенью категоричности отдельными критиками. Она имела огромное значение для формирования идейной позиции и культурной программы чешских коммунистов, а по сравнению с другими литературами ее роль была ведущей.

Ключевые слова: чешская литературная критика, русско-чешские литературные связи, история чешской литературы, чешская периодика.

Информация об авторе: Анна Вячеславовна Амелина — младший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр-т, д. 32а, 119334 г. Москва, Россия. ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2700-1076>
E-mail: Anna.v.amelina@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.09.2020

Дата публикации: 28.03.2021

Для цитирования: Амелина А. В. Русские писатели в чешской среде первой половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета «Руде право») // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 199–212. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-199-212>

1920-е гг. для чехов были золотым веком их истории и культуры: они получили долгожданную национальную независимость, создали национальное государство. В культурной и политической жизни в этот период наблюдаются невиданный до той поры плюрализм и свобода самовыражения. Возникли новые как общественные, так и художественные течения. Причем литературные пристрастия как читателей, так и авторов часто были тесно связаны с их политическими взглядами, а иногда ими и определялись. Такая политизированность явилась яркой чертой эпохи. В то же время чешское общество в эти годы только знакомилось с русской пореволюционной литературой, и в отсутствие обстоятельных литературоведческих трудов и налаженных связей с новой Россией восприятие этой литературы и ее оценка происходили во многом посредством периодических изданий, оперативно ориентировавших читателей и делавших для них первые переводы на чешский. Вместе с тем и русская классика в обновленной чешской плюралистической культуре также подвергается переосмыслению. Именно поэтому анализ периодических изданий имеет большое значение для исследования чешско-русских литературных и — шире — культурных связей в 1920-е гг.

В качестве примера приведу фельетон 1921 г. талантливого чешского сатирика И. Гауссмана [6], где новость о юбилее Л. Н. Толстого предстает у разных современных автору газет в целом спектре культурно-политических оценок. Сатирик тем самым высмеивает идеологические ярлыки, которые публицисты вешают на таких многогранных писателей, как Толстой. «Народни листы» / *Národní listy*, издание с сильным националистическим уклоном, называет его типичным славянином и здравым националистом. Для коммунистического «Руде право» / *Rudé právo* Толстой — первый бескомпромиссный коммунист. Национал-социалисты из газеты «Ческе слово» / *České slovo* считают его социалистом-славянином. Католики из издания «Чех» / *Čech* говорят, что он был близок римско-католической церкви. Аграрники из газеты «Венков» / *Venkov* за его любовь к земле видят в нем защитника простого мужика. И так далее. Автор фельетона, безусловно, преувеличил, но в целом довольно наглядно изобразил среду, в которую попадает творчество русских авторов (подробнее об основных направлениях литературы и литературной критики см. в труде [2]). В этой ситуации при изучении принципов отбора переводов и критики русских писателей в периодических изданиях есть смысл дифференцировать последние в зависимости от их политической направленности.

Как правило, в рамках исследования чешско-русских литературных связей выбранного десятилетия выделяются два подпериода: первая половина декады, когда информация о русской литературе была минимальной, и вторая — когда стали налаживаться культурные и экономические взаимоотношения между нашими странами (напомним, что дипломатические отношения были установлены только в 1934 г.) в связи с появлением разных обществ и союзов силами инициативных групп [12].

Разработка этой объемной темы нами была начата с очень многочисленного и влиятельного левого политического крыла. Россия в этих журналах и газетах становится главным объектом интереса — там рассказывают о проблемах молодого советского государства, о его взаимоотношениях с Чехией, о судьбах деятелей и идеологов революции. Первые полосы пестрят крупными портретами В. И. Ленина, И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева, М. И. Калинина, Ф. Э. Дзержинского и др. Главным левым изданием в это время является ежедневная газета «Руде право» с воскресным литературным приложением «Делница бесидка» / *Dělnická besídka*. Следом идет еженедельное издание коммунистической партии Чехословакии «Пролеткульт» / *Proletkult*, где публикуется

поэзия, проза, статьи по вопросам марксизма и коммунизма, проблемам воспитания и литературная критика; и далее «Творба» / *Tvorba*, «Нове Руско» / *Nové Rusko*, «Червен» / *Červen*, «Рефлектор» / *Reflektor*, «Гост» / *Host*, «Делница света» / *Dělnická osvěta*, «Кмен» / *Kmen*, «Маяк» / *Maják*, «Комуниста» / *Komunista*, «Вар» / *Var*, «Ровност» / *Rovnost* и др. (обзор левой периодики см. в статье [1]). Для подобных изданий разделение рассматриваемого десятилетия на подпериоды особенно актуально, поскольку в первой половине 1920-х гг. чешская левая критика еще не испытывала такого влияния советской культурной политики и была относительно свободна как в выборе произведений для перевода, так и в оценке творчества русских авторов.

Тема русской литературы в зеркале чешской периодики уже рассматривалась чешскими литературоведами в конце 1980-х гг., почти все статьи по отдельным изданиям вошли в сборники материалов, посвященные русско-чешским литературным связям [8]. Туда были включены работы об органах печати левой направленности — журналах «Твоба», «Червен», «Вар», «Нове Руско», «Гост», «Рефлектор», газете «Ровност». Кроме того, присутствуют исследования о более умеренных газетах «Право лиду» / *Právo lidu* (социал-демократов), «Ческе слово» / *České slovo* (национал-социалистов), а также об изданиях с выраженной антикоммунистической повесткой: легионерский журнал «Пршерод» / *Přerod*, литературный журнал «Земне» / *Země* и газета «народников» (Независимой партии народа) «Лидове новины» / *Lidové noviny*. Эти публикации, безусловно, представляют большую ценность, однако, ввиду определенных идеологических ограничений, накладываемых на науку того времени, выбранный нами аспект политической ориентации не мог учитываться и исследоваться в достаточном объеме. Кроме того, еще не изучены такие крупные и важные издания, как либеральный журнал «Цеста» / *Cesta*, газета «Венков» аграрников, националистические «Народни листы», католические журналы и многие другие. В указанных статьях, посвященных антикоммунистическим изданиям, авторы отмечают большой вклад, который эта периодика сделала в популяризацию русской литературы, пусть и выражая свое негативное отношение к революции. Однако случаи анализа восприятия конкретных авторов и произведений, тем более с учетом идеологических установок, там единичны.

Газете «Руде право» посвящен небольшой раздел книги М. Заградки «Советская литература и мы» (1981) [13]. Он проделал большую работу: приводит много статистических данных, перечисляет основные переводы русской литературы, объясняет причины их отбора, в том числе особенностями чешского общественного и культурного контекста. Большая часть этого труда связана именно с переводами, а интерпретации творчества тех или иных писателей там посвящены лишь отдельные абзацы. Заградка не отрицает политической ангажированности редакторов и авторов газеты, однако при этом делает акцент на широту их литературных взглядов и художественное чутье, ставя им в заслугу популяризацию русской литературы.

В перспективе в наших работах мы планируем продолжить труд чешских исследователей и представить разные типы восприятия русской культуры в 1920-е гг. (левое, либеральное, националистическое, католическое и др.) в развернутом сравнении. Мы покажем различия видения как российского литературного процесса в целом, так и творчества отдельных русских писателей. Это, с одной стороны, продемонстрирует многоликость чешской общественной мысли и интерпретации ею литературы и, с другой стороны, универсальность русских художественных произведений, в которых критики разных политических ориентаций видели иллюстрацию своих идей.

Итак, «Руде право» (окт. 1920–1995) — ежедневная газета, главное издание страны левой направленности, политический рупор коммунистов, ставшая официальным печатным органом коммунистической партии Чехословакии. Будучи традиционным ежедневным информационным изданием, газета в основном публиковала новости, политические и экономические статьи и заметки. Редакция особое внимание уделяла советской России, ее внутренней ситуации, взаимоотношениям ее с Чехословакией, огромное сочувствие она проявила в связи с голодом и даже объявила сбор средств в помощь голодающим, а в ноябре 1921 г. под редакцией С. К. Нейманна напечатали благотворительный сборник чешских писателей «Советской Руси», куда вошли произведения малого жанра. В упомянутом литературном приложении публиковалась поэзия и проза как отечественных авторов, так и зарубежных в переводе. Культурную хронику издания вели Йозеф Гора (он же редактор газеты, поэт, публицист и переводчик с русского), Иржи Вайль (писатель и публицист, сначала ярый поборник большевиков, опиравшийся в своих статьях на положения советского пролеткульта, а в 1930-е гг. разочаровавшийся в результатах русской революции), Мария Майерова (вела театральную хронику, впоследствии мэтр социалистической литературы и первопроходец чешского движения за права женщин) и Зденек Неедлы (писал о музыкальной культуре, в дальнейшем крупнейший чешский литературовед, теоретик марксистского искусства).

Русская литература была одной из главных объектов культурного интереса редакции. Заградка приводит следующие данные: всего за десятилетие о русской литературе было опубликовано около 550 материалов, 200 из них — переводы. Такое их значительное количество было обусловлено потребностью найти опору для идеологической и культурной платформы компартии. Тираж газеты при этом неоднократно конфисковывался, под запрет попадали как отдельные статьи, так и целые номера, а в 1928 г. издание не выходило целый месяц (ноябрь). Всего, по данным Заградки, было изъято 276 974 строки текста и 1456 целых номеров. Из русских произведений в их число попали труды Ленина, поэма В. Маяковского «Хорошо!» и отрывки из антимилитаристской публицистики Л. Толстого (в том числе из «Патриотизма и правительства»). Последние сначала опубликовали без указания авторства, а после того как номер был конфискован, редакция обнародовала имя писателя, и вышел конфуз [13, s. 137, 148].

Рецепция русской культуры в «Руде право» была многогранной, это художественные тексты (что относительно подробно разобрал Заградка) и работы советских публицистов в переводе, заметки об общественной жизни в России, путевые заметки посетивших Россию чехов, заметки о связанных с Россией культурных событиях Чехии, о русской музыке и театре. Кроме того, много материалов публиковалось о белой эмиграции и об их деятельности (исключительно в негативном освещении). Ниже мы представим лишь один аспект чешско-русских литературных влияний — интерпретацию и оценку литературных процессов в России и творчества русских писателей (сюда мы включили и рецензии на театральные постановки, в которых затрагиваются особенности самих произведений). Критические статьи и заметки о русской литературе касались по большей части творчества отдельных писателей, однако иногда встречаются материалы обобщающего характера или посвященные какому-либо ее явлению, они охватывали почти всегда феномены современной русской советской литературы.

Русской классике на страницах газеты уделялось меньшее, но все же значительное внимание. Практически всегда авторы этих публикаций находили и подчеркивали в произведениях социальную подоплеку конфликта.

03.05.1923 напечатана заметка без указания автора «Русские рассказы о животных». Критик говорил о недавно вышедшем в немецком издательстве сборнике русских рассказов о животных и подробно остановился на «Муму» И. С. Тургенева и «Звере» Н. С. Лескова. По его мнению, только русские, познавшие душу человеческую, могут глубоко проникнуть в душу животного, однако далее он сделал акцент на классовых противоречиях, указывая на самодурство и бесчеловечность дворянства по отношению к людям, и уж тем более к животным.

Пожалуй, самой противоречивой фигурой для левых изданий являлся Ф. М. Достоевский. Отношение к нему колебалось от восторженного до полной дискредитации как писателя и человека. С одной стороны, выходили положительные рецензии Майеровой на спектакли по его произведениям: 15.05.1921 напечатан отклик на театральную постановку «Братья Карамазовы» — Майерова оценила ее как дань гению, которого в современном мире обычному человеку недосуг перечитывать, а образ Ивана Карамазова автор нашла близким чехам, тоже разрывавшимся между западом и востоком. 06.05.1922 опубликована заметка Майеровой о праздновании юбилея Достоевского в Национальном театре, она утверждала, что, несмотря на более глубокое влияние русского писателя на чешскую культуру, чем Мольера, торжества в его честь прошли более скромно, и связала этот факт с политической ситуацией, поскольку Россия в то время была неприятным соседом. 08.12.1923 напечатана положительная рецензия Майеровой на постановку юморески Достоевского «Дядюшкин сон» в Швандовом театре Праги, где критик не касалась художественных особенностей произведения. Кроме этих рецензий, публиковались и другие критические материалы — более тенденциозные. 01.11.1921 к столетнему юбилею со дня рождения Достоевского вышла заметка Вайля, который назвал русского писателя учеником Руссо, защитником угнетенных людей «подполья» и исследователем сознания мещанства и городской надреальности, его мир — мир проституток, униженных и одиноких людей, поэтому он дорог читателю и сейчас, когда исполнилась мечта русского писателя об освобождении человека и рая для всех — таким образом, критик довольно топорно подгонял творчество Достоевского под свою идеологию. 28.12.1921 по поводу юбилея Достоевского вышел еще один материал о том, как годовщина праздновалась в России и как его воспринимал А. В. Луначарский (речь в Политехническом музее): вера Достоевского — не вера в личного бога, а вера в широком смысле, вера в людей, он глубокий лирик, а не психолог и не аналитик, такой писатель был необходим России, чтобы понять, какие силы и мечты таятся в ее недрах и что сила рождается из пролитой крови — очевидно, что и сам Луначарский, и его речь импонировали автору заметки. 12.01.1922 и 13.01.1922 напечатана переводная статья Р. Люксембург «Достоевский», где автор назвала русского писателя противником социалистов и революционеров, что показывает, безусловно, поворот редакции газеты в его восприятии — тем не менее, напомним, Люксембург пришла к выводу, что романы Достоевского являются, по сути, обличением мещанского общества, убивающего человеческую душу. 01.04.1922 сообщалось о найденной в Москве неизвестной ранее рукописи Достоевского — «Исповедь Ставрогина», где он признавался, что изнасиловал девочку, которая вскоре после этого повесилась. Безымянный чешский критик утверждал, что, по слухам, этот неизданный отрывок является автобиографичным — тем самым эта публикация, по-видимому, была призвана в корне изменить отношение не только к условно положительному герою романа «Бесы», но и к самому писателю.

Ну и, наконец, 08.12.1923 вышла заметка о статье «Достоевский» в «Пролеткульте»¹, где идеологию писателя полностью отрицали. Таким образом, рецензии Майеровой на протяжении всего периода оставались неизменно положительными, Вайль стремился встроить творчество Достоевского в левую идеологию, но была и более радикальная линия, усилившаяся к концу 1923 г., которая писателя полностью отвергала.

Л. Н. Толстой также привлекал внимание редакции. 13.04.1923 напечатана заметка под названием «Пророчество Толстого», где приведены его высказывания без указания источника о катастрофе 1914 г. и ее причинах — коммерциализме, законах и лицемерии и о приходе нового Наполеона (Ленина), поэтому критик сделал вывод, что писатель подготовил приход большевистской революции, и призвал читателя не успокаиваться на достигнутом и встать на путь реализации самой красивой идеи — революционного коммунизма. 07.03.1924 опубликован перевод статьи Р. Люксембург о Толстом, где утверждалось, что писатель был в полной гармонии между творчеством и собственной жизнью, а его идеал был чисто социальный — всеобщее равенство, основанное на всеобщем труде, однако трагизм его был в том, что он так и остался утопистом, не приняв революционного пути. Тем не менее его творчество зиждется на социализме и предназначено для зрелого пролетариата. 14.12.1924 вышла заметка «Рождественские книги», где рекламировался сборник сказок Толстого «Об Иване-дураке», опубликованный в собственном издательстве. По мнению автора статьи, большинство книг сказок на рождественском рынке представляли собой бесполезные для маленьких представителей рабочего класса патристические истории, в отличие от этих русских сказок, учивших справедливости. Тем самым Толстой для левых был фигурой более однозначной, в материалах о нем его творчество аккуратно подгоняется под идеологию издания.

Помимо публикаций о Толстом и Достоевском, 11.12.1921 Вайль выпустил заметку к столетию со дня рождения Н. А. Некрасова, первого, по мнению критика, русского гражданского поэта, борца с царской реакцией и цензурой. Великим, считал Вайль, он не был, но стал первым, кто внес социальный протест и сатиру в поэзию, и больше всего его талант проявляется там, где изображаются страдания простого народа (в то время как стихотворения, лишённые социального протеста, художественно более слабые), и неважно, что Некрасов не был искусным мастером слова и лишь несколько его стихотворений по-настоящему ценны.

Майерова написала еще ряд рецензий на русских классиков. 06.10.1921 она одобрительно отозвалась на совместную чешско-русскую постановку «Свадьбы Кречин-

¹ Речь идет о статье К. Горовского, вышедшей в трех частях 21-го ноября, 5-го декабря и 19-го декабря 1923 г. Первая, значительная, часть труда была посвящена теоретическому обоснованию нового подхода к творчеству Достоевского — посредством литературной социологии. Далее автор писал, что форму выразительности писателя определяет специфика аграрного общества. Достоевский говорит «монотонной серостью деревенского аскетизма» [5, s. 571], его слог прост, как феодальная экономика, наполнен гордым спокойствием, игнорирующим муравейник крестьянского населения, и медлителен, как и сам уклад аграрного общества. Писатель является не только идеологом аграризма, он еще и фигура переходная, вплетающая в феодальную метафизику методы буржуазной науки, идол современной буржуазии. Он не просто спокойный повествователь — но и гладиатор на поле боя классовой борьбы («Бесы»), использующий религию для удержания стабильности феодального уклада, который исключает технический прогресс, и тем самым ломает революционную волю борца за свободу. Его антисемитизм — показатель ханжества, а спиритуализм — модернизированное шаманство. Его психологизм — это психология властвующего класса и не имеет отношения к жизни рязанского мужика. В заключение критик однозначно отрицает идеологию Достоевского, потому что никакая любовь не поможет устроить быт в реальном мире.

ского» А. В. Сухово-Кобылина, ставя ее в один ряд с «Ревизором» и «Горем от ума», 18.10.1922 — о «Борисе Годунове» в Театре на Виноградах, эту драму А. С. Пушкина в Чехии представили впервые, и критик полагала, что пьеса была бы интересна широкому кругу зрителей тем, сколько убийств и предательств сопровождало борьбу за трон, и изображением царской России времен сильнейшего голода. 24.10.1922 вышла рецензия на спектакль мхатовцев пьесы А. П. Чехова «Три сестры», Майерова назвала ее произведением настроения, вызывающим сильнейшее чувство тоски. 25.03.1924 напечатана ее заметка о постановке «Недоросля» Д. Фонвизина в Национальном театре, где она указала на бесчеловечность помещиков. 20.12.1924 опубликована рецензия Майеровой на постановку «Ревизора» Н. В. Гоголя в Театре на Виноградах русского режиссера Серова, критик отметила, что эта комедия хорошо знакома чешскому зрителю, видевшему ее в самых разных вариациях, и в ней всегда находятся новые поводы для смеха, а 15.11.1924 — на «Женитьбу» в исполнении московской труппы, гоголевский сюжет критик обосновала стремлением автора масштабно изобразить царскую Россию с сидящей на спинах миллионов мужиков ленивой кастой и все беды, возникшие из-за такого положения дел. В целом, этими рецензиями Майерова вписывалась в общую тенденцию, акцентируя социальную природу конфликтов произведений, но делала она это гораздо мягче, чем, например, Вайль, и не игнорировала при этом другие стороны поэтики.

Литературные явления современной России интересовали критиков значительно больше. В частности, на страницах периодики разворачивались разного рода литературные дискуссии. 13.02.1921 вышла рецензия на книгу М. Мельниковой-Папоушковой о русской литературе и психологии «Осколки», автор которой была русской по происхождению и придерживалась антибольшевистской позиции, чешский критик Й. Гора отметил политизированность ее взглядов на литературу, связывая это со спецификой русской литературы вообще, и глубокое проникновение (как в литературу, так и в критику) религии и ее символизма — Мельникова-Папоушкова называла большевизм философией, социализмом, возвышенным до религиозной веры. Обе эти черты, по мнению Горы, делают сложной для понимания чехами русской культуры и способности русского человека пожертвовать собой ради идеи. Здесь, безусловно, просвечивало отношение критика к насильственному изменению мира и революции. В целом рецензия была положительной и показывала интерес к книге.

Дискуссии о русском искусстве и литературе велись на заседаниях Общества чешско-русского единения — об этом писал Вайль (03.07.1921): дебаты о русском искусстве начал Борис Соколов, заявив, что оно находится в полном упадке и большевизм задушил его материализмом, и вызвав тем самым бурю возражений со стороны чехов (Э. Радл, О. Фишер, и др.), приводивших в пример «Двенадцать» А. Блока и «Мистерию Буфф» В. Маяковского как образцы нового искусства толпы и утверждавших, что идеализм для искусства намного опаснее; Р. Якобсон также усомнился в том, что оппонент знаком с современной русской литературой. Сам критик назвал высказывания Соколова агиткой для тех, кто ничего не знает о советском искусстве.

Иногда появлялись публикации о современной русской литературе более обобщающего характера. 27.04.1921 вышла статья Вайля «Сельская революционная поэзия». Деревенский вопрос, по мнению автора, является самым острым в стране советов, где мужики мечтают об аграрной советской республике, однако настоящими представителями крестьянства могут быть лишь те коллективистские поэты, которые вопло-

тили в себе традиционную сельскую культуру. Автор выделял Н. Клюева, С. Есенина и П. Орешина, первого из них он назвал самым талантливым, художественно искусственным и одновременно революционным, истинным певцом «красной России», приводя как вершину его творчества «Песнь солнценосца», остальных Вайль считал сектантами, Есенина — мечтающим о сельской идиллии и достигающим своего творческого пика в революционной поэзии («Товарищ», «Инония»), Орешина — наименее талантливым, но таким же революционным, как Клюев. Всех троих критик представлял новым явлением крестьянской культуры — не покорными мужиками, но борющимися за свободу, однако еще не избавленными от своих религиозных традиций, поэтому кольцовская пассивность в них иногда отзывается. По мнению Вайля, революция вновь пробудила богатую народную культуру и породила новое искусство — коллективистских сельских поэтов, равных по уровню пролетарским. Впрочем, в своих оценках Вайль очевидно испытывал влияние извне, ссылаясь на работу Безсалько (называя его Берсалко).

19.01.1924 напечатана статья, где излагались идеи Л. Троцкого из книги «Революция и литература». Критик, так же как и революционер, уверен, что на смену старого искусства заката Европы приходит искусство новое, искусство коллективизма, избавленное от мистицизма и пессимизма и опирающееся лишь на силы природы.

06.04.1924 вышла статья Я. Чехачека «Три книги о России». В развернутой преамбуле автор отмечал, что раньше чехи знали о России только то, о чем писали Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, но подлинного знания социальной, политической и экономической ситуации не было. Революция развеяла этот туман и открыла всю правду, хотя и сейчас капиталистический мир препятствует ее распространению. Одна из рассматриваемых книг была авторства Вайля — «Культурная работа советской России», призванная доказать, что советское правительство сделало много для поднятия уровня культуры населения (большинство которого до революции было бескультурным), и разоблачить капиталистическую ложь о стране советов.

Из прозаиков много внимания уделяется М. Горькому. 20.07.1921 вышла заметка о протесте писателя против злоупотребления его званием о помощи российским ученым в целях антисоветской пропаганды. 26.09.1922 напечатан перевод выдержек письма Горького в берлинскую газету «Накануне» о его отношении к советскому правительству: приведены высказывания о безоговорочном принятии советской власти, но несогласии с ее отношением к интеллигенции. 26.10.1922 опубликована рецензия на постановку мхатовцев пьесы «На дне», критиком выступил главный чешский пролетарский поэт Иржи Волькер. Он отметил фотографическую точность изображения действительности, но пьесе, по мнению поэта, не хватает продуманности и стройности композиции, что делает ее набором разрозненных впечатлений. Среду Горькому, впрочем, изобразить удалось, однако писателю не достаточно описать нищету, ему нужно выяснить ее причины.

Много писали и о В. Г. Короленко. 05.01.1922 вышла заметка о его похоронах, где подробно рассказывалось, как было организовано прощание с писателем и с какой печалью эта смерть была воспринята советскими пролетариями, несмотря на его принадлежность к старому поколению. 21.02.1922 сообщалось о встрече советских писателей (Б. К. Зайцев, Г. А. Новиков, А. Соболев) в Москве в честь недавно умершего писателя и отмечалась безмерная любовь к людям и неотделимость природы Короленко от его тенденциозной публицистики. 27.01.1923 вышла статья Вайля «Короленко и советское

правительство» по случаю берлинской публикации книги В. Бернштейна о писателе. По мнению чешского критика, этот труд призван разоблачить распространяемую русской эмиграцией ложь о том, что Короленко ненавидел советское правительство так же, как и царское. Бернштейн же доказывает, что советское правительство заботилось о писателе, предлагало ему паек, от которого тот в свою очередь отказывался и т. д., и что сам писатель к власти был настроен благожелательно, отождествляя ее с народом, но в то же время не принимая жестокости революции. В целом, заключил критик, Короленко верил в реализацию идей коммунизма и уважал Ленина.

24.10.1920 напечатана рецензия на постановку «Касатки» А. Н. Толстого с премьерой 22.10.1920 в Национальном театре в режиссерской постановке Я. Гурта. Майерова отметила, что такого типа пьесы очень близки чешскому зрителю мягкостью характеров, отдающихся на волю судьбе, забывающих о себе ради счастья других и представляющих типичный образ славянского интеллигента. Критик видела замысел писателя в попытке достучаться до интеллигенции и сравнивала эту драму с пьесами А. К. и Л. Н. Толстых и А. П. Чеховым в их стремлении найти корни русского горя и освободить народ. 12.05.1922 вышла заметка (без указания автора) со ссылкой на открытое письмо писателя о его возвращении в советскую Русь. Критик утверждал, что после звездного дореволюционного творческого пути — в эмиграции, в отрыве от стихий родной земли, — Толстой выдает вымученные произведения, автор заметки также с восторгом излагал тезисы обращения, ставя его в пример другим эмигрантам.

В связи с гастролями МХАТа в пражском Театре на Виноградах напечатаны рецензии на их постановки, в том числе на «Осенние скрипки» И. Сургучева (14.05.1921) — критик (mk) недоумевал от выбора произведения, поверхностной истории супружеской неверности, но исполнение оценивал высоко. Неприятие пьесы автором заметки вполне могло быть связано с личностью драматурга, не принявшего революцию.

25.09.1921 вышла рецензия Вайля на роман А. Богданова «Красная звезда», критик отметил важную роль жанра утопии для победы социализма и его богатую традицию в России (Н. Г. Чернышевский). Произведение, по мнению критика, выполнило свою функцию по пропагандированию социализма русскому народу, хотя автор больше теоретик, чем писатель, что, однако, никак не умаляет достоинств его утопии, и Вайль надеялся, что и в Чехии он будет иметь такие же успех и влияние.

08.02.1924, 10.02.1924 20.02.1924 вышли анонсы издававшегося по частям романа «известного» Сергея Гусева-Оренбургского «Страна отцов», показывающего зарождение классового сознания и учащего рабочих самоорганизации для борьбы с угнетателями.

09.10.1921 напечатана рецензия Вайля на драмы А. В. Луначарского, еще одного больше теоретика, чем художника. Критик отметил его глубокую связь с традиционной русской культурой, расположенность к символистам и склонность к эклектике (в драме писатель восхищался как мхатовцами, так и театром Мейерхольда). Вайль ценил стремление Луначарского сохранить для пролетариата дореволюционную культуру. Он выделил пьесу «революционной необходимости» [9] «Оливер Кромвель» — о непреклонном революционере, идущем напролом, несмотря ни на что, кроме того, чехам она интересна еще тем, что Луначарский назвал гуситов предшественниками Кромвеля, а значит, и русской революции.

16.12.1923 опубликована краткая заметка о постановке пьесы Н. Евреинова «Самое главное», которая названа одним из самых значимых событий европейского репертуара. 29.12.1923 на эту драму появилась уже рецензия Майеровой, рекомендовавшей

ее, одну из немногих, для репертуара Пролеткульта. Критик высоко оценила ее пафос, стремление автора принести добро всем людям и вывести на сцену спасителя человечества, который во имя социализма ставит искусство на службу жизни (что выгодно отличает Евреинова от Пиранделли).

17.05.1924 опубликована рецензия на постановку пьесы Л. Андреева «Мысль». Майерова в ней раздражается негодованием от выбора пьес Национальным театром. Андреев, по ее мнению, со своим унылым реализмом устарел 20 лет назад, а театральным переводчик В. Червинка, занимавшийся отбором драм, отстаивает антибольшевистскую позицию и к современной русской литературе повернулся спиной. Свойственное Андрееву распространенное повествование уже давно не характерно для русского стиля — ведь вся Европа видит, что Россия перешла от слов к делу и «пробивается к будущему за нас за всех» [7, s. 8], современной России некогда разводить андреевский декаданс.

Из поэтов больше всего в газете писали о А. Блоке, а поэма «Двенадцать» стала основным объектом интереса критиков. 03.05.1921 опубликована статья чешского поэта Ярослава Сейферта, который поставил под сомнение ценность для левого движения творчества А. Блока, В. Маяковского и А. В. Луначарского, поскольку, будучи писателями не самого молодого поколения, они не являются тем самым порождением революции, а революционное творчество у них скорее случайно, в то время как остальное — плод буржуазной культуры; далее поэт разобрал театральную постановку «Двенадцати» режиссера И. Гонзля с декорациями К. Тейге в Швандовом театре 01.05.1921, которую очень высоко оценил как пример нового театра, несмотря на плохой перевод (там также декламировали «Левый поход» В. Маяковского). В заметке от 16.06.1921 говорилось о вечере рецитации мхатовца В. И. Качалова, он читал стихи Блока времен царской России и ее страданий, что вызвало ряд ассоциаций с советской Россией и было неприятно тем, кто знаком с поэмой Блока «Двенадцать». 13.01.1922 на ее перевод Сейфертом вышла краткая рецензия, появился он, по мнению автора заметки, очень вовремя — «когда любой французский мусор у них считался вершиной искусства»; при переводе Сейферт сохранил «и славянскую мягкость, и энергичность ритма революционного марша» [4]. 25.12.1924 опубликована вторая рецензия на поэму в новом переводе русиста Б. Матезиуса, где Вайль снова констатировал превалирование в Чехии интереса к французской поэзии, в то время как русская практически игнорировалась. Причину тому он видел, во-первых, в сложности перевода. Критик признал, что перевод поэмы стал самым правильным решением, но при этом задачей с множеством трудностей: частая смена ритма, чередования метра, народный язык, фрагменты фольклора. Однако содержание произведения всегда привлекало переводчиков, поскольку оно являлось «сущностным поэтическим отражением революции» [10]. В этой поэме, по мнению Вайля, исчезает мягкий эстет Блок дореволюционный и появляется Блок революционный, слушающий звуки хаоса истории. Художественная ценность поэмы для него неоспорима. Перевод Матезиуса Вайль оценил как один из самых лучших переводов русской поэзии вообще, где удалось передать ритмическое и метрическое разнообразие и языковые особенности. 06.04.1923 сообщалось, что «Двенадцать» Блока рекомендуется читать на вечерах коммунистов.

18.08.1921 опубликован краткий, но чувственный некролог А. Блока, автор заметки сокрушался, что смерть поэта СМИ используют для нападок на советскую Россию, и назвал его мягким и нежным лириком, не побоявшимся поддаться вихрю революции,

веря, что она породит нового человека, в отличие от таких, как Д. Мережковский, которые насылают на Россию Антихриста в виде вооруженной интервенции; позже вышло краткое сообщение о его похоронах (31.08.1921), где упомянуто, что гроб нес А. Белый. 20.01.1922 вышла заметка об изданных в России воспоминаниях о Блоке, здесь же говорилось о неизвестных ранее произведениях, автор сделал акцент на неизданной статье поэта, где тот дает отпор эмигрантам, обвиняющим в продажности оставшихся в России деятелей культуры. Из неопубликованных стихотворений отмечено произведение, где Блок предсказал революцию. 22.04.1923 вышла еще одна заметка о Блоке, относительно объемная, по случаю издания его книги «Последние дни императорской власти». Критик Чехачек представил читателю русского поэта исключительно как автора «Двенадцати», а в связи с его историческим трудом написал: «...в обоих видах его творчества, поэтическом и эссеистско-историческом, красной нитью проходит один мотив: любовь к революционной России и стихийная ненависть к царской России» [3]. Этот тезис он далее развил, приведя цитаты. По его мнению, каждый прогрессивный человек должен был ненавидеть царскую Россию, и книга Блока ярко это доказывает. Ценность книги еще и в том, что ее автор вводит в историческую науку нового субъекта — пролетариат. В итоге рецензент заключил: «Книга Блока — книга революционная. В ней немного революционных слов, эта книга на удивление объективная, до холодности объективная, но внутри ее пылает благородный революционный огонь, который сопровождал автора вплоть до его преждевременной смерти» [3].

Почти таким же популярным у критиков «Руде право» был В. Маяковский. 22.04.1921 вышла рецензия Вайля на «Мистерию Буфф», где поэт изобразил героем не индивидуальность, не народ, не разнородную толпу — а осознавший себя рабочий класс. Вайль высоко оценил художественный уровень, назвав произведение революционным и по форме, и по содержанию и вечным, пока за освобождение будет бороться рабочий класс, и сравнил его с античной драмой, однако, в отличие от нее, у Маяковского хор не пассивен, а играет решающую роль в действии, в то время как класс буржуазии представлен индивидуальностями-одиночками. Затем напечатана его заметка (19.05.1921) о постановке этой драмы в режиссуре Мейерхольда, которому удалось сделать массовые сцены и стереть границу между зрителем и актером. 04.06.1922 в газете появился отрывок и аннотация «Мистерии Буфф» как первой русской коллективно-классовой драмы. 10.07.1921 опубликована рецензия Вайля на «150 000 000» в чешском переводе — эпопею о русской революции, поэму, подобную «Илиаде», воспевающую страдания и победы русского народа, пожертвовавшего тысячами жизней ради коммуны, строительства коммунистического идеала; критик вновь подчеркнул коллективную природу главного героя — всего русского народа — и тем самым констатировал появление нового типа эпопеи. 24.10.1924 сообщалось о концерте Пролеткульта с чтением Маяковского (декламировала писательница Г. Малиржова).

18.09.1921 опубликован некролог Вайля на смерть Сергея Городецкого, которую автор назвал еще одной невосполнимой утратой после смерти Блока, для Вайля он был поэтом революции, больше половины текста критик посвятил его революционной деятельности, оставив творчество на втором месте, назвав его вольный стих лучшим в русской поэзии и путанно изложив (не)принадлежность поэта к символизму. Впрочем, 15.01.1922 вышло опровержение сообщения о смерти поэта и рассказано о его творческой деятельности в Москве.

26.02.1922 к приезду Андрея Белого в Прагу о нем напечатана заметка, где поэт охарактеризован как один из лучших символистов, друг и соратник Блока и защитник

советской России. Творчество писателя критик оценил с точки зрения отношения к революции, доказывая, что Белый был ее ярким поборником («Родине», «Христос Воскрес!», «Шут»), не затрагивая художественных достоинств.

02.03.1924 напечатана заметка Вайля о В. Брюсове, «самым верном революции поэте и члене коммунистической партии» [11], который даже в период символизма был поборником социальной справедливости, а революция исполнила его давнюю мечту. Он воспевал Россию и оставался с ней в самые худшие для нее времена, в отличие от таких, как Д. Мережковский.

Таким образом, с одной стороны, в творчестве русских классиков критики пытались найти опору для своей идеологии и приписывали им соответствующие воззрения. И с другой стороны, отбор современных авторов и произведений для рецензий и откликов происходил практически в зависимости от того, принял ли и воспевал ли писатель революцию, в поэзии основной интерес вызывали эпические поэмы о революции. Особенно категоричным из всех критиков был Вайль, по сути, он отрицал все неревolutionное творчество того или иного автора, принципиально или игнорируя художественный уровень произведений, или отождествляя художественность с революционностью. Майерова в свою очередь (так же как и Гора) высказывалась деликатнее, для нее была важна художественная ценность, она пытается искать не только социальную подоплеку конфликтов, но и понять, чем творчество русских писателей может быть близко чехам. Самые радикальные материалы (как, например, в случае с Достоевским) публикуются без указания автора. Кроме того, по многим заметкам газеты «Руде право» уже видно, что присутствовала полемика с «мещанской» или эмигрантской прессой, некоторых писателей «перетягивают» между собой разные лагеря, наделяя их своими взглядами. В заключение подчеркнем, что русская литература имела огромное значение для формирования идейной позиции и культурной программы чешских коммунистов, а по сравнению с другими литературами ее роль была ведущей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Амелина А. В.* Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла // Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. С. 81–111.
- 2 *История литературы западных и южных славян* / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2001. Т. III. С. 424–478.
- 3 [Čecháček J.] *Alexandr Blok* // Rudé právo. Ročník 4/1923. № 93. 22.04.1923. Dělnická besídka. S. 3.
- 4 *Alexandr A. Blok: Dvanáct* // Rudé právo. Ročník 3/1922. № 11. 13.01.1922. S. 7.
- 5 *Gorovský K. F. M. Dostojevský* // Proletkult. Ročník 2/1922–1923. № 26. 05.12.1923. S. 570–572.
- 6 *Hausmann J. Tryzna* // Pešta P. Satirik převratu Jiří Hausmann. Praha: Atlantis, 1999. S. 238–242.
- 7 *Majerová M. Z divadel* // Rudé právo. Ročník 5/1924. № 116. 17.05.1924. S. 7–8.
- 8 *Materiály k československo-sovětským literárním vztahům*. Olomouc: Univerzita Palackého, 1989, 1990. Sv.1, 2. 303 s., 150 s.
- 9 *Weil J. Dramata Lunačarského* // Rudé právo. Ročník 2/1921. № 237. 09.10.1921. Dělnická besídka. S. 4.

- 10 Weil J. Dva překlady ruské poesie // Rudé právo. Ročník 5/1924. № 301. 25.12.1924. Dělnická besídka. S. 2.
- 11 Weil J. Valerij Brjusov // Rudé právo. Ročník 5/1924. № 53. 02.03.1924. Dělnická besídka. S. 3.
- 12 Zahrádka M. Přehled československo-sovětských politických a kulturních styků v období 1918–1938 (téze 1. kapitoly dějin) // Materiály k československo-sovětským literárním vztahům / ed. V. Kostřica. Olomouc: Univerzita Palackého, 1989. Sv. 1. S. 43–59.
- 13 Zahrádka M. Rudé právo a sovětská literatura // *Idem*. Sovětská literatura a my: o československo-sovětských literárních vztazích let 1918–1978. Praha: Československý spisovatel, 1981. S. 116–152.

© 2021. Anna V. Amelina
Moscow, Russia

**RUSSIAN WRITERS IN THE CZECH ENVIRONMENT
DURING THE FIRST HALF OF THE 1920S:
PERIODICALS OF THE LEFT POLITICAL WING
(NEWSPAPER “RUDE PRAVO”)**

Abstract: The paper examines perceptions of Russian literature in the first half of the 1920s by a Czech literary criticism of the left-wing political orientation, namely by *Rudé Právo*, newspaper of the communist party of Czechoslovakia. On the one hand, at this time, the Russian classics are being rethought in terms of their usefulness for the purposes of proletarian movement, up to discrediting individual authors (for example, F. M. Dostoevsky) and adjusting ideas of other writers to the communist ideology (L. N. Tolstoy). On the other hand, much attention of the editors is paid to the modern literature of post-revolutionary Russia, whose representatives are evaluated and selected for translation and review, provided they accept and praise the revolution (first of all, this is the poem *The Twelve* by A. A. Blok, poetry by V. V. Mayakovsky, prose by M. Gorky and V. G. Korolenko), whereas their work is assessed one-sidedly, exclusively in the ideological aspect. The first attempts of writing generalizing materials on the contemporary literary process (for example, *Peasant revolutionary poetry* by I. Weil) are being made. In general, Russian literature is viewed from an ideological standpoint, only with varying degrees of categoricity by individual critics. As the author reveals it was of great importance for the shaping of the ideological position and cultural program of the Czech communists, and compared with other literatures, its role is identified as leading.

Keywords: Czech literary criticism, Russian-Czech literary connections, history of Czech literature, Czech periodicals.

Information about author: Anna V. Amelina — Junior Researcher, Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32a, 119334 Moscow, Russia. ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2700-1076> E-mail: Anna.v.amelina@mail.ru

Received: September 05, 2020

Date of publication: March 28, 2021

For citation: Amelina A. V. Russian writers in the Czech environment during the first half of the 1920s: periodicals of the left political wing (newspaper “Rude pravo”). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 59, pp. 199–212. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-199-212>

REFERENCES

- 1 Amelina A. V. Russkie pisateli v cheshskoi srede 1920-kh gg.: periodika levogo politicheskogo kryla [Russian writers in the Czech environment of the 1920s: the periodicals of the left political wing]. In: *Rol' Rossii v rasprostraneniі znanii o slaviansstve* [Russia's role in the dissemination of knowledge about the Slavs], executive edited by Iu. A. Sozina. Moscow, Lingvistika Publ., 2019, pp. 81–111. (In Russian)
- 2 *Istoriia literatury zapadnykh i iuzhnykh slavian* [The history of literature of the Western and Southern Slavs], executive edited by L. N. Budagova. Moscow, Indrik Publ., 2001, vol. III, pp. 424–478. (In Russian)
- 3 [Čecháček J.] Alexandr Blok [Alexander Blok]. *Rudé právo*, vol. 4/1923, no 93, April 22, 1923, Dělnická besídka [Workers ' Party], p. 3. (In Czech)
- 4 Alexandr A. Blok: Dvanáct [Blok: The Twelve]. *Rudé právo*, vol. 3/1922, no 11, January 13, 1922, p. 7. (In Czech)
- 5 Gorovský K. F. M. Dostojevský [F. M. Dostoevsky]. *Proletkult*, vol. 2/1922–1923, no 26, December 05, 1923, pp. 570–572. (In Czech)
- 6 Haussmann J. Tryzna [Tryza]. Pešta P. *Satirik převratu Jiří Haussmann* [Satirist of the coup Jiří Haussmann]. Praha, Atlantis Publ., 1999, pp. 238–242. (In Czech)
- 7 Majerová M. Z divadel [From theaters]. *Rudé právo*, vol. 5/1924, no 116, May 17, 1924, pp. 7–8. (In Czech)
- 8 *Materiály k československo-sovětským literárním vztahům* [Materials on Czechoslovak-Soviet literary relations]. Olomouc, Univerzita Palackého Publ., 1989, 1990. Vols. 1, 2. 303 p., 150 p. (In Czech)
- 9 Weil J. Dramata Lunačarského [Dramas of Lunacharsky]. *Rudé právo*, vol. 2/1921, no 237, October 09, 1921, Dělnická besídka [Workers ' Party], p. 4. (In Czech)
- 10 Weil J. Dva překlady ruské poesie [Two translations of Russian poetry]. *Rudé právo*, vol. 5/1924, no 301, December 25, 1924, Dělnická besídka [Workers ' Party], p. 2. (In Czech)
- 11 Weil J. Valerij Brjusov [Valery Bryusov]. *Rudé právo*, vol. 5/1924, no 53, March 02, 1924, Dělnická besídka [Workers ' Party], p. 3. (In Czech)
- 12 Zahrádka M. Přehled československo-sovětských politických a kulturních styků v období 1918–1938 (téze 1. kapitoly dějin) [Overview of Czechoslovak-Soviet political and cultural relations in the period 1918–1938 (thesis 1. chapter of history)]. *Materiály k československo-sovětským literárním vztahům* [Materials on Czechoslovak-Soviet literary relations], edited by V. Kostřica. Olomouc, Univerzita Palackého Publ., 1989, vol. 1, pp. 43–59. (In Czech)
- 13 Zahrádka M. Rudé právo a sovětská literatura [Red law and Soviet literature]. *Idem. Sovětská literatura a my: o československo-sovětských literárních vztazích let 1918–1978* [IDEM. Soviet literature and us: on Czechoslovak-Soviet literary relations 1918–1978]. Praha, Československý spisovatel Publ., 1981, pp. 116–152. (In Czech)